

Е. А. Половинко

Днепропетровский национальный университет им. Олесь Гончара

ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ПРОТИВОРЕЧАЩИМИ ИНТЕНЦИЯМИ (на материале произведений Сергея Довлатова)

На матеріалі творів Сергія Довлатова досліджуються цільнооформлені запитально-відповідні мовленнєві акти, у яких репліку-відповідь побудовано з явними чи прихованими порушеннями загальних принципів створення таких діалогічних єдностей. Численність обраних конструкцій у досліджуваних творах дозволяє інтерпретувати їх як одну з особливостей стилю письменника.

На материале произведений Сергея Довлатова исследуются цельнооформленные вопросно-ответные речевые акты, в которых реплика-ответ построена с явными или скрытыми нарушениями общих принципов создания таких диалогических единств. Большое количество анализируемых конструкций в исследуемых текстах позволяет интерпретировать их как одну из особенностей стиля писателя.

On the basis of works by Sergey Dvlatov completely formed interrogative answering speech acts in which a remark-answer is built with obvious or hidden violations of general principles of creation of such dialogic units are investigated. The great number of select constructions in the probed works allows interpreting them as one of the peculiar features of style of the writer.

Изучение специфики и особенностей диалогической речи на протяжении ряда лет остается одной из главных проблем коммуникативной лингвистики. Вопросно-ответная форма диалога неоднократно привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов, среди которых В. Г. Валимова, Н. Н. Гастева, Н. И. Голубева-Монаткина, У. Ленерт, М. Н. Орлова, В. С. Пугач и др. Однако исследование данного аспекта языкознания все еще нельзя признать удовлетворительным. Нам известны отдельные типологии вопросных и ответных высказываний, в той или иной степени отвечающие требованиям, предъявляемым к подобным научным изысканиям, а также детальные характеристики конкретных типов как вопросных, так и ответных реплик. При этом многократные попытки описать весь возможный диапазон отношений между вопросными и ответными репликами в составе диалогических единств, охватив все разнообразие отношений между их компонентами, неизменно сопровождаются трудностями, связанными, в первую очередь, с невероятным многообразием типов вопросно-ответных реплик, обусловленным неограниченными возможностями русского языка.

Все известные нам типологии как вопросных, так и ответных реплик содержат десятки типов структур, выделяемых на основании самых разных критериев. При этом неоспоримым представляется тот факт, что типология ответов возможна лишь в соотношении с предшествующими им вопросами, с учетом характера отношений между вопросом как репликой-стимулом и ответом как репликой-реакцией. Отношения же между этими компонентами диалогического единства, в свою очередь, классифицируются исходя из того, насколько эффективно выполняет ответ возложенные на него функции, или, другими словами, насколько он соответствует интенции спрашивающего.

В самом общем виде комбинации вопросно-ответных речевых шагов можно разделить на естественные, или построенные в соответствии с общими принципами формирования таких речевых единств, и построенные с явными или скрытыми нарушениями указанных принципов. В художественной литературе нарушение устоявшихся правил и принципов является чуть ли не закономерностью. Более того, как правило, тем больший интерес вызывает произведение, чем виртуознее владеет его автор искусством создания так называемых нестандартных ситуаций, неожиданных поворотов, в частности, построения нестандартных диалогов. Такой способностью, несомненно, обладал Сергей Довлатов, чьи произведения оказались на пике популярности в конце второго тысячелетия и остаются востребованными до этого момента.

С лингвистической точки зрения, проза данного автора привлекла наше внимание в силу того, что значительное место в ней принадлежит диалогу, который преобладает над драматическими коллизиями. Большинство исследователей довлатовской прозы отмечали этот факт и неоднократно подчеркивали «изысканность его словесности», виртуозность, лаконизм стиля, внимание к художественной детали, живую разговорную интонацию (см. например: [1; 6]).

Таким образом, *цель* настоящего исследования мы видим в выявлении и описании средств и механизмов, которые ведут к расторжению «правильно» функционирующих связей внутри диалогического вопросно-ответного единства, или, другими словами, создают специфику порождения высказываний с противоречащими интенциями. Материалом исследования послужили произведения Сергея Довлатова разных лет. Анализу подвергались лишь цельнооформленные речевые акты, содержащие вербально выраженное реагирование на вопрос-стимул.

К вопросно-ответным диалогическим конструкциям, построенным с нарушением общих принципов формирования соответствующих единств, мы относим такие вопросно-ответные единства, в которых реплика-реакция, следующая за репликой-стимулом, не выполняет ни одну из первичных своих задач, а именно: не подтверждает, не уточняет и не разъясняет факт, выраженный содержанием вопроса или же делает это в завуалированной форме.

В условиях речевого общения, как известно, происходит взаимодействие интенций адресанта и адресата, какие бы цели в конечном итоге они не ставили перед собой. Стандартными сочетаниями интенций принято считать такие, при которых реакцией на вопрос служит сообщение, ответ в чистом виде. Однако нередко **высказывания с противоречащими интенциями**. К таковым лингвисты, и в частности В. С. Пугач, относят констатацию некорректности вопроса, невозможности ответа, неправильной адресации вопроса и проч. [7, с. 8].

Если говорить о видах интенционального взаимодействия, то среди них выделяются **интенциональное сотрудничество** (предполагает соответствие исходной постакторечевой интенции адресанта исходной постакторечевой интенции адресата) и **интенциональный конфликт** (предполагает несоответствие исходной постакторечевой интенции адресата) [7, с. 8]. Первый из описанных видов можно проиллюстрировать на следующих примерах:

- *Вас интересует письменный отзыв?*
- *Да, знаете ли, буквально три слова...* («Жизнь коротка»).
- *И ты, – спросила Лиза, – пять лет об этом думал?*
- *Нет, это только сегодня пришло мне в голову...* («Встретились, поговорили»).
- *Как ты попал сюда, белый человек?*
- *Мы с женой заблудились, потеряли дорогу...* («Третий поворот налево»).

Во всех приведенных выше диалогах ответы снимают неопределенность информации, заложенную в вопросе, а именно: в первом случае констатируется данное положение вещей, во втором – противоположное положение вещей и, наконец, в третьем – выясняется неизвестное в ситуации. Таким образом, перед нами собственно-ответы, где отвечающий подтверждает, опровергает или разъясняет представление ситуации, которое дано спрашивающим в вопросе.

Стремление же не отвечать на вопрос (интенциональный конфликт) может реализоваться в несобственно-ответах, то есть в ответах, не снимающих неопределенность информации (энтропию) вопроса или делающих это опосредованно. В таких случаях адресат речи либо не использует представление ситуации, данное в вопросе, либо использует его таким образом, чтобы из него нельзя было извлечь сведения, необходимые адресанту.

Надо отметить, что у С. Довлатова нередки случаи, когда даже диалоги, в которых ответная реплика внешне не противоречит исходной интенции адресанта, на самом деле являются примером интенционального конфликта:

- *Что будем пить? – спросила Варя.*
- *Валидол, – ответил Малиновский без улыбки.*
- *Я поставлю чай («Дорога в новую квартиру»).*

- *Что он будет здесь делать?*
- *Стареть. В Америке ему дадут небольшую пенсию («Дядя Леопольд»).*

Формально ответы соответствуют запросам, выраженным адресантами речи, их можно признать синтаксически и семантически релевантными вопросам. Здесь, по-видимому, следует оговориться, что под **релевантностью**, вслед за В. С. Пугач, мы понимаем смысловое соответствие между информационным запросом адресанта и полученным в ответ логически непротиворечивым сообщением адресата, выдвигание лишь тех суждений, которые не нарушают логичности начатого разговора [3, с. 10]. Так, в первом примере ответ, демонстрирующий неординарное чувство юмора адресата, позволителен в силу того, что глагол *пить* в значении «принимать, проглатывать» сочетается с лексемой *лекарство* и с конкретными наименованиями всевозможных лекарств. Однако из ситуации совершенно ясно, что речь идет вовсе не о медикаментах: спрашивающего интересует, какой напиток предпочитает собеседник. При этом несерьезность ответа понятна и читателю, и задавшему вопрос, который, не услышав пожеланий гостя, поступает на свое усмотрение – предлагает выпить чаю. Во втором примере употребленный в качестве ответа глагол *стареть*, как и все остальные инфинитивы глаголов несовершенного вида, безусловно, отвечает на вопрос *что делать?*, но с семантической точки зрения не удовлетворяет запросу адресанта ввиду того, что не может характеризовать род занятий человека, а подразумевает лишь естественные изменения человеческого организма под действием внешних факторов.

Любой вопрос, бесспорно, имеет своей целью заполнение информационной лакуны, выраженной вопросительным словом или словосочетанием, однако далеко не всегда эта цель оказывается достигнутой, даже если за ним и следует ответ – в таких случаях принято говорить об уклонении как о типе речевого реагирования. Как показывает анализ языкового материала, уклончивые речевые акты классифицируются на открытые (нескрываемые) и скрытые (тайные). В первом случае адресат сигнализирует собеседнику о своем нежелании сотрудничать, он открыто выражает отказ от участия в ответе на вопрос. Более того, поступая так, адресат может подразумевать, что причина отказа от ответа заключается в неприемлемости вопроса (например, из-за его личного характера). Вина, таким образом, будет возложена на адресанта, задающего неподходящий или неподобающий вопрос. В та-

ких случаях реплики-реакции семантически не являются релевантными по отношению к вопросам, но прагматически выражают определенную реакцию на них. Например:

- *Ты меня больше не любишь?*
- *Не спрашивай меня об этом. Слишком поздно...* («Встретились, поговорили»).
- *А помнишь, как в Новгород ездили?* – спросил Левин.
- *Боря, замолчи сейчас же. Все к лучшему...* («Компромисс»).

Во втором случае собеседник уходит от ответа скрытым образом, заменяя его высказыванием своего мнения относительно заложенного в вопросе, вербальной попыткой переключить собеседника на другой объект или опровержением исходной информации:

- *Где тут буфет?* – спросил Жбанков. – *Маленько подлечиться...*
Лийвак нахмурился:
- *Простите мне грубое русское выражение...*
Он выждал укоризненную паузу.
- *...Но вы поступаете, как дети!*
- *Что, и пива нельзя?* – спросил Жбанков.
- *Вас могут увидеть...* («Компромисс»).
- *Вы знаете, что такое реалии?* – перебивал Гена Лосик, наклоняясь к майору.
- *Закусывай,* – говорил Кузьменко, – *закусывай, мальй, а то уже хорош...* («Дорога в новую квартиру»).
- *Как работаете,* – поинтересовался Фидель, – *надеюсь, с огоньком?*
- *Пусть медведь работает,* – ответила Надежда («По прямой»).

Результатом нашего исследования стало выявление целого ряда подклассов скрытых уклончивых ответов, которые некоторым образом избегают подтверждения / опровержения информации или надлежащего заполнения информационной лакуны. Способы и формы уклонения от прямого ответа на вопрос, представленные в произведениях исследуемого автора, разнообразны и многочисленны.

Одной из основных особенностей долатовских диалогов является то, что «они часто напоминают разговор глухих», по замечанию А. Гениса. «Собеседники у него не столько спрашивают, сколько переспрашивают друг друга. Всякая реплика плодит недоразумение, попытки разрешить которое только ухудшают дело» [1]. В этом случае ответная реплика только формально, точнее, позиционно является ответом, так как следует непосредственно за вопросом, в действительности же она построена как вопрос. Например:

- *Ты расстроен,* – спрашивала Лора, – *в чем дело?*
- *А ты не будешь сердиться?* («Третий поворот налево»).
- *Чего ты злишься?*
- *А чего мне радоваться? Ты куда-то исчезаешь. То безумная любовь, то неделю шляешься...*
- *Что значит – шляешься?! Я был в командировке на Сааремаа...* («Компромисс»).
- *Принеси мне сигареты. Можешь?*
- *Что-нибудь случилось?*
- *Ничего особенного. У меня синяк под глазом. На улице стесняюсь выйти. Деньги сразу же верну.*

- *Откуда?*
- *Тебе какое дело? Шубу продала.*
- *Я не про деньги говорю. Сняк откуда?*
- *С Рафкой поругалась («Иностранка»).*

Герои, в чьи уста вложены данные реплики, вместо прямого ответа на поставленный собеседником вопрос реагируют встречным вопросом, который либо выдвигает условие и лишь его выполнение повлечет за собой ответ (*А ты не будешь сердиться?*), либо выражает негативное отношение говорящего к ситуации, предмету разговора (*А чего мне радоваться?; Что значит – шлешься?*), обеспокоенность (*Что-нибудь случилось?*), а сам ответ откладывается.

Рассмотрим еще несколько подобных эпизодов речевого общения.

- *...а что за товар?*
- *Носки, – ответила Марья.*
- *И больше ничего?*
- *А чего бы ты хотел? («Креповые финские носки»).*
- *Вы что, университет кончали?*
- *Имею диплом с отличием.*
- *Так почему же вы здесь?*
- *А где же мне быть? Где же мне работать, по-твоему? В школе? Что я там буду воровать, промокашки?! («Виноград»).*
- *Может, посадят его суток на двенадцать? Ради профилактики?*
- *За что? За драку? В этом сумасшедшем городе Нью-Йорке?! Да здесь в тюрьму попасть куда сложнее, чем на Марс или Юпитер! («Иностранка»).*

В данных диалогах встречные вопросы реципиента *А чего бы ты хотел?*, *А где же мне быть?*, *За что? За драку?* и следующие за ними реплики не просто откладывают требуемый ответ, а полностью исключают его необходимость, вообще ставят под сомнение состоятельность заданного вопроса.

В некоторых случаях встречный вопрос используется адресатом для так называемой защиты, собеседник парирует вопрос, избегая прямого ответа или опуская его и переходя сразу к доводам в пользу своего мнения. Например:

- *Товарищ капитан, – сказал я, – уже, между прочим, девятый час.*
- *А вы, – перебил меня капитан, – служите Родине только до шести?!*
- *Для чего же тогда составляются графики?.. («Представление»).*

В следующем диалоге героиня пытается уйти от ответа на нежелательный вопрос. В данном случае, по-видимому, можно, вслед за И. И. Меньшиковым [5, с. 85], говорить о «коммуникативном саботаже», а именно о таком его подвиде, когда адресат делает вид, что вопрос не расслышан или не доведен до участника прений в нужной форме, т. е. не понят им:

- *Где ты была?*
- *Я?! – восклицала Маруся.*
- *Ну.*
- *Что значит – где?! Он спрашивает – где! Допустим, у знакомых. Могу я навестить знакомых?.. («Иностранка»).*

В следующем диалоге героиня – мать-одиночка, интервьюируемая журналистом, на вопрос о муже не может дать ответ без уточнения деталей, интересующих журналиста, и реагирует встречным вопросом, который при этом звучит с некоторой долей иронии:

- *Разве государство вам не помогает?*
- *Помогает. Еще как помогает. Сорок рублей нам положено в месяц...*
- *А муж? – спрашиваю.*

- *Который? У меня их целая рота. Последний за «Солнцедаром» ушел, да так и не вернулся. С год тому назад... («Приличный двубортный костюм»).*

В таких случаях уклонение является вынужденным – адресат не в состоянии дать ответ, так как ему требуются дополнительные уточняющие факты, информация о том, что конкретно интересует собеседника.

Особый интерес вызывают диалогические единства, в которых адресат отвечая вопросом на вопрос, использует такой метод доказательства, при котором демонстрируется невозможность, абсурдность аргумента, противоположного высказанному в вопросе. Герой не находит другого способа обосновать свою точку зрения, кроме как представить несостоятельным обратное положение вещей:

- *... А штионов я вообще не обожаю. И врагов народа тоже.*
- *Ты их видел? – спрашиваю.*
- *Тут попался мне один еврей, завбаней. Сидит за развращение малолетних.*
- **Какой же это враг народа?**
- **А что, по-твоему, – друг?** («На что жалуетесь, сержант?»).
- *У меня под Ригой дорогая есть. Не веришь? Анеле зовут. Любит меня – страшно.*
- *А ты?*
- *И я ее уважаю.*
- *За что ты ее уважаешь? – спросил Алиханов.*
- *То есть как?*
- **Что тебя в ней привлекает? Я говорю, отчего ты полюбил именно ее, эту Анеле?**

Балодис подумал и сказал:

- **Не могу же я любить всех баб под Ригой...** («Голос»).

Следующий эпизод речевого общения может служить примером ситуации, когда адресат речи манипулирует фокусом вопроса и заявляет о ложной предпосылке, заложенной в вопросительной реплике, а именно: отводит неправильный, по его мнению, атрибут дополнения:

- *Как же это ты... русскому солдату чачи не даешь?!*
- *Кто здесь русский? – говорит Андзор. – Ты русский? Ты – не русский. Ты – алкоголист!* («По прямой»).

Примерами из произведений С. Довлатова можно проиллюстрировать и такие случаи, когда вопрос стратифицируется, и ответ дается только на ту его часть, которая принимается, актуализируется отвечающим. Так, в рассказе «Чирков и Берендеев», повествующем о том, как к полковнику Берендееву заявился нежелательный гость – дальний родственник Митя Чирков. «Культурный дядя» отказывается приютить молодого человека, но делает это не прямо, а в деликатной, на его взгляд, форме, парируя все увещевания племянника:

- *Ну, прощай, – сказал Берендеев, вынимая ключи.*
- *То есть как это? – растерялся племянник. – Вы шутите! Вместе космос осваивали, а я теперь должен спать на газоне?!*
- *Здесь чисто, – ответил ему Берендеев, – и температура нормальная. Июль на дворе. Ну, прощай. Кланяйся русским березам!* («Чирков и Берендеев»).

В отдельный подкласс можно выделить так называемые косвенные ответы – ответы, созданные при помощи разговорных импликатур и представляющие собой

высказывания, в которых сам ответ только подразумевается. Рассмотрим следующие примеры:

- *Зайдешь?*
- *Прости, у меня завтра утром деловое свидание...* («Встретились, поговорили»).
- *...Видел мой снимок к Фединому очерку?*
- *Я газет не читаю* («Компромисс»).
- *Ты женат? – спросил я.*
- *Эрика живет в Зальцбурге* («Дядя Леопольд»).

Собственно-ответы на поставленные вопросы в представленных эпизодах отсутствуют, но они легко выводятся из высказанных реплик-реакций: в первом случае, адресат, извиняясь и ссылаясь на объективные причины, дает понять собеседнику, что не сможет зайти; во втором – информация о том, что адресат не видел снимок, о котором идет речь, становится само собой разумеющейся после сообщения о том, что герой вообще не читает газет; в третьем – факт наличия жены выводится из сообщения о том, где она проживает.

В некоторых случаях косвенный ответ, опосредованно указывающий на то или иное обстоятельство, можно считать информативным лишь ситуационно. Например:

- *Привет, – сказал мне тренер, – как делишки?*
- *Помаленьку, – отвечаю. – Где тут выход?..* («Хочу быть сильным»).

Только знание ситуации позволяет правильно интерпретировать ответ и увидеть своеобразную иронию адресата: герой, недавно начавший заниматься боксом, на своем первом соревновании потерпел унижительное поражение и физически пострадал от гораздо более сильного соперника. Встречный вопрос тренеру *Где тут выход?* демонстрирует намерение героя покинуть ринг и не продолжать бой, а впоследствии и занятия боксом вообще.

Анализ языкового материала предоставил нам возможность прагматически классифицировать случаи уклонения от прямого ответа на заданный вопрос с учетом коммуникативного контекста общения, исходя из семантики высказывания адресата, реагирующего на вопрос.

По результатам исследования можно сформулировать следующие выводы. В прозе Сергея Довлатова представлен целый ряд стратегий и тактик уклонения, отражающих многообразие процессов социального взаимодействия со всей его непредсказуемостью и даже алогичностью. Писатель находит множество стратегических и тактических решений, изображая самые разнообразные коммуникативные ситуации. При нестандартных комбинациях вопросно-ответных реплик речевое взаимодействие воспринимается либо как бессмысленное, либо как неестественное, нарушающее обычный обмен репликами, либо, наконец, как смешное. Именно последний вариант наиболее часто представлен в прозе исследуемого автора. Внезапный переход от одной контекстуальной рамки к другой, как правило, вызывает комический эффект.

При интенциональном сотрудничестве, о чем шла речь выше, ответная реплика строится в соответствии с коммуникативным заданием, на которое указывает вопрос. Однако в живом диалогическом общении (и это, естественно, находит отражение в художественной литературе) постоянно возникают ситуации, классифицируемые как интенциональный конфликт, отражающие все особенности, вытекающие из непосредственной активной речи и ролей коммуникантов, из ситуации, контекстуальных связей и пропозициональных отношений. При этом большое зна-

чение при выборе той или иной формы высказывания имеет социально-ролевое соотношение коммуникантов и дистанция их общения в рамках широкого контекста.

В заключение стоит отметить, что интенциональный конфликт не является чисто языковым фактом, однако, будучи по характеру внешним, он прагматически детерминирует определенное лингвистическое поведение коммуникантов.

Библиографические ссылки

1. **Генис А.** Пушкин у Довлатова [Электронный ресурс] / А. Генис. – Режим доступа: www.dovlatov.org.ru.
2. **Довлатов С.** Встретились, поговорили / С. Довлатов. – СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 528 с.
3. **Довлатов С.** Голос: Рассказы / С. Довлатов. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – 384 с.
4. **Ленерт У.** Проблемы вопросно-ответного диалога / У. Ленерт // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 258–280.
5. **Меньшиков И. И.** Приемы коммуникативного саботажа в системе лингвистических структур манипуляции общественным сознанием / И. И. Меньшиков // Філологічні науки : зб. матер. підсумкової наук. конф. викладачів / [упоряд. О. І. Панченко]. – Дніпропетровськ: Пороги, 2008. – С. 84–86.
6. **Найман А.** Персонажи в поисках автора [Электронный ресурс] / А. Найман. – Режим доступа: // www.dovlatov.org.ru.
7. **Пугач В. С.** Уклонение от прямого ответа на вопрос как тип речевого реагирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / В. С. Пугач. – Белгород, 2002. – 23 с.

Надійшла до редколегії 10.07.08

УДК 811.161.1'373.4

Т. А. Полякова

Криворожский государственный педагогический университет

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ МАРКЕТИНГА

Розглядається процес формування терміносистеми маркетингу в сучасній російській мові, зокрема вивчається такий чинник поповнення спеціальної лексики, як запозичення з англійської мови.

Рассматривается процесс формирования терминосистемы маркетинга в современном русском языке, в частности, изучается такой фактор пополнения специальной лексики, как заимствования из английского языка.

The process of forming of the term system of marketing is examined in modern Russian, such factor of addition of the special vocabulary is studied in particular, as borrowing from English.

Термины, терминосистемы и терминология как целый лексический пласт являются предметом анализа многих работ лингвистического и логического содержания. Такие представители лингвистической науки, как Б. Н. Головин, В. П. Даниленко, Т. Л. Канделаки, Л. А. Капанадзе, Р. Ю. Кобрин, Д. С. Лотте, Т. С. Пристайко, А. А. Реформатский, В. А. Татаринев и многие другие в своих работах анализируют содержательную сторону терминов и терминосистем, обращают